

Едва прозвучали слова принцессы Аньпин, в саду воцарилась оглушительная тишина.

Хотя лично с Чжу Цзылином были знакомы немногие, в последнее время именно этот ванфэй — первый в истории Великой Ци мужчина на такой должности — стал излюбленной темой для пересудов. Всем было известно, что он — старший сын министра Чжу от законной жены, которая давно скончалась, а нынешняя хозяйка поместья, госпожа Ху, приходится ему лишь мачехой.

Несмотря на то, что явных слухов о вражде между ними не ходило, затворнический образ жизни старшего сына в сравнении с вызывающим поведением его младшего брата, Чжу Цзычжэня, говорил сам за себя. Едва ли их отношения можно было назвать тёплыми.

В самом приглашении госпожи Ху не было ничего предосудительного, но то, с каким нажимом принцесса Аньпин подчеркнула это в присутствии пасынка... Не было ли это намеренной провокацией?

Знатные дамы, украдкой наблюдавшие за сценой, обменивались многозначительными взглядами, полными любопытства и предвкушения назревающего скандала. Судя по напускному радушию хозяйки дома, она вовсе не собиралась заводить дружбу с ванфэй Ли-вана. Неужели вся эта любезность была лишь прелюдией к издевательствам?

Чжоу Шэн, поначалу обманутый приветливостью принцессы, заметно напрягся. Стоило той упомянуть госпожу Ху, как его лицо посуровело, а губы плотно сжались.

Чжу Цзылин на мгновение замер, но его лицо осталось бесстрастным. Вперив взгляд в собеседницу, он спокойно произнёс:

— Моя матушка скончалась много лет назад. Откуда же вам удалось её пригласить, принцесса?

«...»

Безупречная улыбка принцессы Аньпин на мгновение дрогнула. Она никак не ожидала, что Чжу Цзылин окажется настолько бескомпромиссным: юноша не просто проявил неприязнь к мачехе, он фактически стёр её из реальности, отказавшись признавать даже формально. Такой ответ не только унижал госпожу Ху, но и выставял саму принцессу в неловком свете.

Присутствующие дамы тоже заволновались. Как ни крути, по закону мачеха считалась матерью Чжу Цзылина, и отрицать это во всеуслышание — значило пойти против устоев. Неужели этот юноша не боялся, что его слова станут поводом для всеобщего осуждения за несоблюдение сыновнего долга?

Впрочем, прямой выпад в адрес принцессы Аньпин достиг цели. Окружающие с интересом ждали, чем ответит хозяйка дома.

Почувствовав на себе колючие взгляды любителей чужих драм, принцесса подавила вспышку гнева. Сохраняя достоинство, она чуть холоднее произнесла:

— Ванфэй изволит шутить. Я пригласила нынешнюю супругу министра Чжу, вашу мачеху, госпожу Ху.

Сделав вид, что раскаивается, она добавила с оттенком притворной горечи:

— Я лишь подумала, что в кругу семьи вам будет легче освоиться среди незнакомых лиц. Кому, как не матери, ввести вас в общество? Но, кажется, я вмешалась не в своё дело, раз ваши отношения столь... натянуты.

В светских кругах в такие моменты полагалось принять предложенный путь к отступлению, чтобы не доводить дело до открытой вражды. Однако Чжу Цзылин никогда не действовал так, как от него ожидали. Услышав слова принцессы, он лишь согласно кивнул:

— Вот именно. Зачем вам это понадобилось?

«...»

На сей раз хозяйка поместья едва не задохнулась от возмущения, не в силах скрыть перекосившееся лицо. В саду стало ещё тише; неловкость, казалось, можно было потрогать руками.

Чжу Цзылин же, будто не замечая произведённого эффекта, как ни в чём не бывало продолжил:

— Праздник любования цветами ведь уже начался? Госпоже принцессе не стоит утруждать себя заботами обо мне. Я и сам могу... поесть... в смысле, всё осмотреть.

Он на мгновение задумался и добавил:

— Кстати, конкурс дегустации уже открыт? В какой он стороне?

«...»

«Что не так с этим человеком?! — принцесса Аньпин лишилась дара речи. — Неужели он всерьёз полагает, будто на подобные приёмы приходят ради цветов?!»

Любые банкеты, малые или великие, были прежде всего полем для светских битв и плетения интриг. Сложные переплетения связей и изящные словесные дуэли всегда ценились выше любых растений. А Чжу Цзылин не просто обрубил все нити разговора — он развернулся и заявил, что пришёл сюда смотреть на цветы, хотя на деле явно думал лишь о еде!

Принцесса чувствовала себя так, словно ей в горло вставили кость. Множество заранее заготовленных колкостей и скрытых издевок оказались бесполезны. Но раз гость сам изъявил желание удалиться, она не могла силой заставить его выслушивать свои претензии.

Принцесса смутно чувствовала, что, если она продолжит этот спор, то в итоге разозлится ещё сильнее.

Ей оставалось лишь выдавить подобие улыбки и разрешить ванфэй развлекаться по своему усмотрению. Стоило Цзылину отойти, как она подозвала верную служанку.

— Когда придёт эта женщина из семьи Ху, шепни ей... — принцесса отдала несколько кратких распоряжений.

«Радуйся, пока можешь, — холодно хмыкнула она про себя, глядя в спину Чжу Цзылину, порхающему между клумбами. — Скоро тебе будет не до смеха»

Праздник принцессы Аньпин отличался редкой роскошью. Сад украшали не только драгоценные сорта цветов, но и искусные декорации, в которые были вложены огромные средства. Изысканные яства, приготовленные из лепестков, были расставлены прямо рядом с теми растениями, что послужили для них основой.

Чтобы угощения не остывали, столы были оборудованы особыми жаровнями. Из скрытых отверстий в столешницах поднимался легкий пар, который не только сохранял тепло блюд, но и окутывал всё вокруг таинственной дымкой, превращая сад в подобие обители бессмертных.

Едва избавившись от общества хозяйки, Чжу Цзылин устремился к столам, совершенно не заботясь о том, чтобы завязать хоть одно полезное знакомство.

Гости недоуменно переглядывались, не в силах разгадать тактику ванфэй. Памятуя о том, как бесцеремонно он обошёлся с принцессой, никто не спешил заговаривать с ним первым, ограничиваясь лишь любопытными взглядами.

Чжу Цзылин же, не теряя времени, направился к пышному кусту пионов... точнее, к столу, стоявшему подле него. Стоило ему протянуть руку к пирожному, как кто-то из слуг предупредил, что блюдо может быть горячим. Юноша на миг замер, а затем вооружился палочками и тарелкой, ловко подхватив одну... вторую... третью, четвёртую, пятую, шестую сладость.

Наблюдавшие за этим дамы опешили.

Цветочные десерты были один краше другого. Цзылин попробовал по кусочку от каждого вида, но в его глазах отразилось легкое разочарование.

Нельзя сказать, что было невкусно — принцесса Аньпин не стала бы позориться, выставляя на стол плохие блюда. Но, несмотря на всё мастерство поваров, угощениям не хватало той искры, на которую надеялся Цзылин. Да, использование сезонных цветов придавало им особый аромат, но если оценивать технику в целом, повара хозяйки явно уступали мастерам из поместья Ли-вана.

Похоже, из-за придирчивости Жун Чжао кулинарное искусство в его доме достигло вершин, недоступных простым смертным.

«Похоже, я не прогадал, решив держаться поближе к своему "кошельку"» — подумал Цзылин, отправляя в рот очередной кусочек.

Другие гости и не подозревали о его критических размышлениях. Они лишь с нарастающим изумлением наблюдали, как юноша стремительно уничтожает содержимое одного стола и, не задерживаясь, переходит к следующему.

Обычно на таких приёмах полагалось смаковать каждый кусочек, откусывая по чуть-чуть, любуясь цветами и ведя неспешные беседы о тонкостях вкуса. Одно крохотное пирожное могли есть целую вечность. Чжу Цзылин же поглощал их в два укуса, совершенно не заботясь о том, что набитые щеки выглядят не слишком элегантно. Он не смотрел на цветы, не разговаривал — он просто ел.

Казалось, он пришёл сюда не на праздник любования флорой, а на обычную трапезу.

Почтенные дамы переглядывались, и в их глазах застыл немой вопрос.

«Неужели этого несчастного ванфэй в поместье Ли-вана даже не кормят досыта?»

Лишь крайняя степень голода могла заставить благородного юношу вести себя подобным образом на светском приёме.

До этого, глядя на его свежий цвет лица и изящные одежды, они полагали, что жизнь Цзылина в доме князя вполне сносна. Теперь же за внешним лоском им померещилась горькая правда: скорее всего, он был лишён самого необходимого.

Сердца дам наполнились сочувствием. Многие гости вспомнили недавние новости о том, как Ли-ван на свадебном пиру заставил приглашённых съесть всё до последней крошки — многие мужья тогда едва не лопнули от переедания. Тот, кто способен насильно закармливать других,

вполне может морить голодом собственного супруга.

Чжу Цзылину было всего восемнадцать — возраст их собственных детей. Видя, с каким упоением он ест, они невольно прониклись к нему жалостью.

В этот момент слуги объявили о прибытии госпожи Ху.

Когда гости увидели, что мачеха Цзылина, едва поприветствовав принцессу, направилась напрямик к пасынку, их сочувствие к юноше только возросло. Стало ясно — добром эта встреча не кончится.

— Лин-эр, сколько же мы не виделись! — воскликнула госпожа Ху, подходя к Чжу Цзылину. Она старалась придать своему голосу как можно больше материнской нежности, но в её тоне и мимике всё равно сквозила неизбежная фальшь.

Юноша поначалу не обратил на неё внимания. Он даже не сразу понял, к кому она обращается, ведь мачеха никогда раньше не называла его так ласково. Лишь когда Чжоу Шэн осторожно коснулся его плеча, Цзылин соизволил взглянуть на подошедшую женщину. Его взгляд был полон искреннего недоумения.

«С чего это она вдруг решила разыграть нежность, хотя обычно и смотреть на меня не желает?»

Вспомнив недавние слова принцессы Аньпин, Цзылин начал кое-что подозревать.

— А разве мы не виделись в день моего визита к родителям? — юноше было лень играть в её игры. К тому же от её притворного ласкового тона у него по коже поползли мурашки. — Кстати, ванъе велел вам с братом ежедневно переписывать «Книгу ритуалов». Прошло уже полмесяца — как успехи? Стали ли вы лучше разбираться в приличиях? Если нет, придётся вам приложить больше усердия.

«...»

Заметив, как окружающие сначала замерли от удивления, а затем начали прикрывать рты, пряча смешки, госпожа Ху едва не сорвалась. Её маска материнской любви дала трещину, лицо потемнело от гнева, и она едва не осыпала пасынка проклятиями. С трудом взяв себя в руки, она сделала несколько глубоких вдохов и выдавила:

— Благодаря наставлениям ванъе, переписывание «Книги ритуалов» принесло нам немалую пользу.

Она стиснула зубы и, не удержавшись, перешла в наступление:

— А как поживает сам ванфэй? На днях люди князя явились, чтобы взять под управление твои лавки и земли, входившие в приданое. Почему же ты не предупредил нас заранее? Если уж ты решил передать дела в руки поместья Ли-вана, стоило подумать о судьбе прежних управляющих и работников. Нужно было заранее всё устроить, не так ли?

— А, я просто забыл, — бросил Цзылин.

«Странно, зачем она говорит мне об этом? — подумал юноша. — Неужели надеется, что я потребую имущество обратно из рук Жун Чжао?»

«...»

Госпожа Ху застыла, поражённая его полным безразличием.

«Как это понимать? — пронеслось в её голове. — Ли-ван прибрал к рукам его приданое, разве Чжу Цзылин не должен быть в ярости?»

Она намеренно подала это так, будто пасынок сам отдал своё имущество князю, надеясь раздуть искры его недовольства и подготовить почву для дальнейших действий. Но Чжу Цзылину, казалось, было всё равно! Он просто признал, что забыл об этом!

А ведь когда он ещё жил в доме министра и требовал своё приданое, он так пёкся о каждой монете и каждой пяди земли!

<http://bllate.org/book/15829/1435973>